

**СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
ПУТЕШЕСТВИЯ ЖИВЫХ ВЕЩЕЙ:
РАСПРЕДЕЛЕННАЯ ПАМЯТЬ, ЭВОКАТИВНЫЕ
ОБЪЕКТЫ И АФФЕКТИВНЫЕ МИКРОНИШИ
(отв. ред. – С.В. Соколовский)**

МАТЕРИАЛЬНОСТЬ ЭКОЛОГИИ ПАМЯТИ И АФФЕКТА

С.В. Соколовский

Сергей Валерьевич Соколовский | <http://orcid.org/0000-0002-0112-0739> | sokolovskiserg@gmail.com | д. и. н., главный научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Ключевые слова

экология когнитивных функций, исследования пограничья, аффективные ниши, материальная культура

Аннотация

Вводная статья темы номера, в фокусе которой материальные основы экологии памяти и аффекта в опыте мигрантов, жителей приграничья и туристов. Редактор темы рассматривает статьи Ш. Шахрохи, Д.А. Радченко, С. Гюнгер, В.В. Нурковой и О.С. Сулим, П.С. Куприянова, анализируя представленные в них концепции и материалы в рамках проблематики исследований экологии человеческих способностей, главным образом материальных аспектов памяти и аффективности.

Информация о финансовой поддержке

Грант Министерства науки и высшего образования Российской Федерации
[№ соглашения: 075-15-2022-328]

Статьи, вошедшие в этот специальный выпуск, написаны на основе докладов одной из секций Сибирского исторического форума (Красноярск, 14–16.09.2022). Необычная тематика, связывающая воедино память, аффективность и опыт миграции, как надеются авторы, предоставляет возможность ближе познакомиться с новейшими концепциями экологически распределенных функций сознания, в данном случае памяти и аффективности (ср.: Gibson 2014 [1979]; Hutchins 1995; Clark, Chalmers 1998; Clark 2008). Читатели журнала, возможно, помнят, что эта тема уже рассматривалась в общетеоретическом плане (см. дискуссию “Вещи, аффекты и экология разума” в № 5 за 2022 г.), и теперь появилась возможность вернуться к ней на материалах конкретных полевых исследований, результаты которых представлены в предлагаемых ниже статьях.

Статья поступила 14.08.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 07.09.2023
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (Chicago Manual of Style, Author-Date):

Соколовский С.В. Материальность экологии памяти и аффекта // Этнографическое обозрение. 2023. № 6. С. 5–11. <https://doi.org/10.31857/S0869541523060015> EDN: MOWRYX

Sokolovskiy, S.V. 2023. Material'nost' ekologii pamiati i affekta [The Materiality of the Ecology of Memory and Affect]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 5–11. <https://doi.org/10.31857/S0869541523060015> EDN: MOWRYX

Экологический подход в исследованиях, разрабатываемый в настоящее время философами, специалистами в области нейро- и когнитивных наук, психологами и антропологами (ср.: *Mettke-Hofmann* 2014; *Heersmink* 2020; *Hutchins* 2010), открывает новые возможности в изучении не только памяти и эмоций (концепции когнитивных и аффективных микронизмов, распределенной памяти и т.д.), но и материальной культуры. Кроме того, он предполагает пересмотр сложившихся концепций человеческого “Я”, памяти, познания и эмоциональной жизни как экологически распределенных способностей человеческого разума, нормальное функционирование которых невозможно вне вещной среды (материальной культуры) и языка (как артефакта, как инструмента или машины), т.е. элемента искусственной среды.

Поскольку материальные объекты, оказываясь элементами инфраструктур различных эмоциональных атмосфер, вызывают разные чувства, авторы этого тематического выпуска в своих статьях обсуждают и гипотезу о существовании уникальных микронизмов для разнокачественных аффективных атмосфер. Аффективные атмосферы (в отличие от артефактов) как предрефлексивные феномены являются сложными и трудноуловимыми объектами для этнографа. Однако такие атмосферы всегда имеют материальную инфраструктуру. Именно она и оказалась здесь в фокусе рассмотрения, в котором пересеклись материальные миры и опыт мигрантов, а также туристов, привозящих из своих поездок сувениры, и “новоселов”, сменивших место проживания, но сохранивших семейные реликвии – предметы, которые стали выполнять роль триггеров воспоминаний и эмоций. Кроме того, внимание авторов статей сосредоточено на обсуждении онтологии и типологии артефактов, участвующих в производстве и поддержании аффективных состояний, атмосфер или эмоциональных переживаний. Рассказы мигрантов и других переселенцев об использовании ими материальных объектов в качестве эмоциональных триггеров оказались типичными иллюстрациями материальной экологии ностальгии, экологически распределенного “Я” и микрогеографии аффектов.

В публикуемом ниже обзоре научной литературы о типах коллекционирования турецкий антрополог Сибель Гюнгер вводит различие между: 1) институциональным или профессиональным коллекционированием (напр., предметов искусства), 2) хордингом, или патологическим накоплением вещей, и 3) аффективным “домашним” собирательством, которое из-за его фокусировки на личностном опыте исследовательница предлагает обозначать термином *идиоцентристское коллекционирование*. Гюнгер не рассматривает аффективные различия между этими тремя типами собирания, хотя их аффективные модусы, вероятно, существенно различаются. Очевидно, что коллекция предметов искусства призвана пробуждать в зрителях чувства эстетического удовольствия, восторга и восхищения, в то время как домашнее хранение в общем-то случайных вещей создает иную аффективную атмосферу – ностальгии или уюта, принадлежности месту, теплых воспоминаний о прошлом и т.п. Патологическое накопительство (хординг) в аффективном плане, видимо, связано с обеспечением безопасности настоящего и будущего, защитой от реальных или мнимых угроз, но иногда оно обусловлено особой эмоциональной интенсивностью отношений с вещами как с равноправными свидетелями прошлых и текущих моментов преходящей жизни. Хординг, с моей точки зрения, отличается от идиоцентристского коллекционирования лишь масштабами, поскольку в нем вещи накапливаются тотально, без отбора, однако оба типа собирания объединяет близкое по модусу аффективное отношение к вещам как свидетелям прошлого опыта и связанных с ним переживаний.

Источниками домашнего и институционального коллекционирования часто оказываются путешествия или перемещения иных типов (переезд, экономиче-

ская или вынужденная миграция, выезд по политическим мотивам и т.д.). Субъекты, соответствующие этим типам перемещения, обычно имеют различный имущественный (и по импликации – социальный) статус: институциональное коллекционирование требует наличия существенных финансовых средств, достаточных для приобретения редких и эстетически ценных вещей, в то время как домашний собиратель (в терминах Гюнгер – *хранитель*) отбирает вещи не по принципу их рыночной стоимости или эстетической привлекательности, но по их эффективности в качестве стимулов для воспоминаний о людях и событиях прошлого или по их значимости для повседневного обихода. Чугунный утюг, ступка, коврик, сковорода или доставшаяся от бабушки икона, не говоря уже о семейных фотоальбомах, передаются следующему поколению как реликвии. Их наличие и создает атмосферу домашнего очага – аффективную нишу, объединяющую всех членов семьи в единое целое. Такое пространственное распределение аффекта, обеспечиваемое как вещами, так и членами родственного коллектива, ассоциирующими эти вещи с определенными эмоциями и историей семьи, оказалось предметом когнитивистских и философских исследований в рамках концепции так наз. экологически распределенного сознания (и таких его экологически распределенных функций, как память и способность к счету) сравнительно недавно (ср.: *Heersmink* 2017, 2018).

Тема аффективной связи с прошлым разрабатывается в статье Шоле Шахро-хи, предметом рассмотрения которой становятся семейные фотоальбомы и замещающие их арт-акции художников, переживших опыт, порой травматичный, вынужденной трансграничной миграции и использующих фотофрагменты своего семейного прошлого в художественном осмыслении утраты связей с родными, друзьями и местами прежнего проживания. В рамках рассматриваемой темы экологической распределенности аффекта исследуемые американским антропологом случаи интересны по меньшей мере в двух отношениях. Во-первых, они демонстрируют, как трансформация изображения из семейного альбома в арт-объект сопровождается трансформацией индивидуальных памяти и аффекта в эвокативный триггер коллективного аффекта, что и позволяет рассматривать это искусство как акционистское. Во-вторых, следует обратить внимание на сопутствующие этим трансформациям изменения в аффективных атмосферах и когнитивных нишах (семейный фотоальбом обычно провоцирует чувства ностальгии у членов семейного коллектива, тогда как использование его фрагмента художником в арт-объекте обращается к переживаниям коллективной травмы и может быть триггером политического протеста, имеющего совсем иную аффективную окраску).

Еще один весьма специальный случай экологии памяти рассматривается в статье Дарьи Радченко. “Фантомная” память нынешних поколений жителей г. Советска Калининградской обл. (до 1946 г. Тильзит) через материальность памятных мест и оставленных довоенным населением вещей “протезирует” локальный исторический нарратив, восполняющий пробелы многовековой истории города в памяти современных советчан и обеспечивающий их причастность к событиям далекого прошлого. Такая гибридная темпоральность исторической памяти характеризует, видимо, не все население Советска, поскольку содержит этико-правовые компоненты, свойственные главным образом официальному историческому дискурсу. Можно предположить, что за рамками этого “профессионального” дискурса и немногочисленной группы его носителей (в опрос попали в основном люди, чьи профессии или хобби были так или иначе связаны с интересом к истории города) история Советска воспринимается не столь драматично и проблемно. В конце концов, при современной подвижности населения, да еще если рассматривать события в масштабе столетия, огромная часть

людей проживает на “чужих” территориях, мало связанных с историей своей семьи или своего языково-культурного сообщества. Наличие политической границы и массовые переселения, разумеется, усугубляют разрыв времен и делают его более четким. Однако новейшая история Европы соткана из тысяч аналогичных событий насильственного перемещения больших групп населения почти по всем нынешним политическим границам. Нетривиальность рассматриваемого здесь конкретного случая заключается в фокусировке исследовательницы на процессах освоения и присвоения локальной истории “новоселами” – теме все еще редкой в историографии и антропологии памяти. Роль материальности в реализации чувства причастности, без которого не возникло бы и чувства дома, вполне очевидна; достаточно вообразить, что происходило бы в отсутствие тех вещных свидетельств прошлого, – архитектуры, памятников, старых вещей и т.д. – которые рассматриваются в этой статье.

Предметной областью анализа Павла Куприянова становятся эвокативность экспонатов музейных выставок и условия намеренного создания определенных аффективных состояний у посетителей. Эта самостоятельная область в исследованиях эвокативных объектов и аффективных атмосфер интересна по причине особой прозрачности онтологии, лежащей в основе рассматриваемых феноменов. “Чужие вещи” вызывают у посетителя связанный с его биографией отклик только за счет существования объемлющего дискурса, который оказывается общей рамкой и для истории вещи, и для биографии вступающей с ней в контакт личности. Такой дискурс не возникает в момент контакта сам собой, даже если посетитель знаком с ним и разделяет ценности, которые тот несет. Авторы выставок прибегают к специальным средствам – если угодно, к создающей нужную эмоцию кухне, прекрасно описанной в публикуемой статье и проиллюстрированной на столь выразительных примерах, что читатель сам погружается в переживаемую атмосферу¹. Вещи, люди, идеологии здесь сплетены в единую сеть отношений по производству аффекта, и зависимость реализации эмоции от всех членов этой сети (актантов) становится явной и очевидной. Такой угол зрения на вещи восстанавливает уже было утраченную в традиционных исследованиях материальной культуры многомерность и демонстрирует эффективность приходящей им на смену экологии материальности, эмоций и разума.

Еще один особый случай, исследуемый в работе Вероники Нурковой и Ольги Сулим, – так наз. мысленные орудия как опора автобиографической памяти – безусловно заслуживает внимания в рамках рассматриваемой темы. Читатель может предположить, что перед ним кейс уходящего с авансцены картезианского ментализма. Однако авторы утверждают, что “доступ к воспоминаниям опирается на культурную инфраструктуру”, что заставляет расстаться с этим предположением как неверным.

Не вызывает сомнений тот факт, что наши образы или воспоминания связаны с какими-то важными эпизодами жизни и способны восстанавливать уже забытое. Рассматриваемый в статье Нурковой и Сулим случай *ментальной фотографии* как *мысленного орудия* (с опорой на соответствующую теорию Л.С. Выготского [Vygotzky 1978]) оказывается весьма близким популярной сегодня концепции так наз. внутренних артефактов Эдвина Хатчинса, который, разумеется, знаком с работами Льва Выготского и использует его подход, однако с некоторыми уточнениями и модификациями. Хатчинс, ученик основателя когнитивной антропологии Роя Д’Андреа, в частности, пишет:

Поскольку общество имеет иную архитектуру и иные коммуникативные свойства, нежели индивидуальный разум, существуют, вероятно, такие интерпсихологические функции, которые никогда не могут быть интернализированы индивидом. <...> Это позволяет задаться вопросом, существуют ли интрапсихологические процессы, которые не являлись бы транс-

формациями процессов социального взаимодействия. Обнаружение таких процессов стало бы вызовом для позиции Выготского, однако пока нет ограничений на возможные трансформации, нет и способа идентифицировать такой процесс (Hutchins 1995: 284–285).

Хатчинс, основываясь на критике, которой подверглась постструктуралистская онтология, предлагает иную интерпретацию культуры (и в особенности ее материальной части). Этот американский антрополог рассматривает артефакты как фундамент и неотъемлемую составляющую любых когнитивных операций. Он признает вклад Выготского в новую онтологию, если иметь в виду роль, которую играет социальное взаимодействие в гетерогенной медиации индивидуального действия, где письменные инструкции (т.е. материальный знаковый объект) выполняют столь же значимую функцию, что и люди – офицеры корабля, команду которого Хатчинс исследовал:

Это [наличие письменных инструкций и распоряжений (интерпретаций таких инструкций) корабельного начальства] перекликается с общим генетическим законом развития Выготского (1978), в котором опосредующая структура появляется дважды: сначала в интерпсихологических, а затем и в интрапсихологических процессах (Ibid: 312).

Эти замечания ставят перед антропологами (теми из них, кто интересуется статусом материальности артефактов и натурофактов в заново складывающемся представлении о человеке и человечности) по меньшей мере задачу сопоставления концепций Выготского и Хатчинса и по импликации всех их предшественников и современников, разделявших близкие позиции.

Рассматриваемый авторами статьи кейс *ментальных фотографий* – второй производной от “когнитивных репрезентирующих иконических артефактов” (Heersmink 2013: 469), к которым мы могли бы отнести вслед за Чарльзом Пирсом также географические карты (как и диаграммы, чертежи, графы, модели и рисунки, поскольку все они изоморфны замещаемой ими реальности), – внове, потому что здесь перед нами оказываются не они сами, а их *ретенции* – удержанные в памяти образы карт и т.д., вовсе не обязательно соответствующие оригиналам. Именно такие несоответствия (следствия индивидуальной селекции значимого и важного) и сотворяют, по мысли авторов, личность (Я, самость), поддерживаемую не только биографическим нарративом в стандартном смысле этого понятия, но и нарративами визуальным и ментальным. Ментальное в данном случае (впрочем, как и обычно) опирается на материальное (снимок все-таки существует или существовал; здесь особый интерес представляет сама темпоральность – переплетение времен во взаимодействии оригинала [объекта фотографирования], самой фотографии и ее ретенции или ее ментальной эвокации). Безусловная заслуга авторов – в обнаружении, документировании и исследовании этих гибридных (материально-ментальных), т.е. в сущности экологических, опор памяти, а также в раскрытии их роли в потоках становления не только человеческой самости², но и всего сущего.

Рассмотренные в предлагаемом тематическом блоке тщательно обоснованные конкретными исследованиями случаи подчеркивают решающее значение материальности в экологии когнитивных и аффективных способностей и функций человека. Авторы поставили в своих статьях много новых проблем. Надеюсь, что эти их работы послужат стимулом для дальнейших изысканий и научных проектов.

Примечания

¹ Как в известном французском мультфильме “Рататуй”, один из героев которого – ресторанный критик – внезапно погружается в детство, отведав в мишленовском ресторане простое домашнее блюдо.

² Здесь я не соглашусь с антропоцентристской позицией авторов, поскольку другие виды живого, хотя и не прибегают к технике фотографирования, располагают собственными механизмами фиксации и удержания образов.

Научная литература

- Clark A. *Supersizing the Mind: Embodiment, Action, and Cognitive Extension*. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- Clark A., Chalmers D. The Extended Mind // *Analysis*. 1998. Vol. 58 (1). P. 7–19.
- Gibson J. *The Ecological Approach to Visual Perception*. N.Y.: Taylor & Francis, 2014 [1979].
- Heersmink R. A Taxonomy of Cognitive Artifacts: Function, Information, and Categories // *Review of Philosophy and Psychology*. 2013. No. 4. P. 465–481.
- Heersmink R. Distributed Selves: Personal Identity and Extended Memory Systems // *Synthese*. 2017. No. 194. P. 3135–3151.
- Heersmink R. The Narrative Self, Distributed Memory, and Evocative Objects // *Philosophical Studies*. 2018. No. 175. P. 1829–1849.
- Heersmink R. Narrative Niche Construction: Memory Ecologies and Distributed Narrative Identities // *Biology & Philosophy*. 2020. No. 35. P. 53. <https://doi.org/10.1007/s10539-020-09770-2>
- Hutchins E. *Cognition in the Wild*. Cambridge: MIT Press, 1995.
- Hutchins E. Cognitive Ecology Topics // *Cognitive Science*. 2010. No. 2. P. 705–715.
- Metzke-Hofmann C. Cognitive Ecology: Ecological Factors, Life-Styles, and Cognition // *WIREs Cognitive Science*. 2014. No. 5. P. 345–360. <https://doi.org/10.1002/wcs.1289>
- Vygotsky L. *Mind in Society: The Development of Higher Psychological Processes*. L.: Harvard University Press, 1978.

Editor's Introduction

Sokolovskiy, S.V. The Materiality of the Ecology of Memory and Affect [Material'nost' ekologii pamiati i affekta]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 6, pp. 5–11. <https://doi.org/10.31857/S0869541523060015> EDN: MOWRYX ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Sergei Sokolovskiy | <http://orcid.org/0000-0002-0112-0739> | sokolovskiserg@gmail.com | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32-a Leninsky prospect, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

ecology of cognitive functions, frontier studies, affective niches, material culture

Abstract

An introduction to the thematic issue on “Voyages of Living Things: Distributed Memory, Evocative Objects, and Affective Micro-Niches” with special focus on material scaffoldings in the ecology of memory and affect, exemplified by experiences of migrants, border residents, and tourists. The invited editor of the issue presents articles by Sholeh Sharokhi, Sibel Aksu Güngör, Darya Radchenko, Pavel Kupriyanov, Veronika Nurkova and Olga Sulim, analyzing the theoretical approaches and data presented within the framework of the ecology of human abilities, including the material aspects of human memory and affectivity.

Funding Information

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation [grant number 075-15-2022-328]

References

- Clark, A. 2008. *Supersizing the Mind: Embodiment, Action, and Cognitive Extension*. Oxford: Oxford University Press.
- Clark, A., and D. Chalmers. 1998. The Extended Mind. *Analysis* 58 (1): 7–19.
- Gibson, J. (1979) 2014. *The Ecological Approach to Visual Perception*. New York: Taylor & Francis.
- Heersmink, R. 2013. A Taxonomy of Cognitive Artifacts: Function, Information, and Categories. *Review of Philosophy and Psychology* 4: 465–481.
- Heersmink, R. 2017. Distributed Selves: Personal Identity and Extended Memory Systems. *Synthese* 194: 3135–3151.
- Heersmink, R. 2018. The Narrative Self, Distributed Memory, and Evocative Objects. *Philosophical Studies* 175: 1829–1849.
- Heersmink, R. 2020. Narrative Niche Construction: Memory Ecologies and Distributed Narrative Identities. *Biology & Philosophy* 35: 53. <https://doi.org/10.1007/s10539-020-09770-2>
- Hutchins, E. 1995. *Cognition in the Wild*. Cambridge: MIT Press.
- Hutchins, E. 2010. Cognitive Ecology Topics. *Cognitive Science* 2: 705–715.
- Mettke-Hofmann, C. 2014. Cognitive Ecology: Ecological Factors, Life-Styles, and Cognition. *WIREs Cognitive Science* 5: 345–360. <https://doi.org/10.1002/wcs.1289>
- Vygotsky, L. 1978. *Mind in Society: The Development of Higher Psychological Processes*. London: Harvard University Press.